

ЭВОЛЮЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА НА ТАЙВАНЕ

**Юлия Александровна
ИШУТИНА,**
кандидат культуроло-
гии, ДВГТУ

**Юлия Николаевна
ПОПОВИЧЕВА,**
кандидат исторических
наук, Институт истории
ДВО РАН

Исторически первым типом официального национализма на Тайване был японский. Националисты Страны восходящего солнца использовали синтез чисто японской доктрины «государственного организма» (кокутай) и теории (вернее, романтического мифа) «органического государства», созданного в Германии Гердером, Фихте и Гегелем¹.

Тайвань был «уступлен» Японии цинским правительством Китая после японско-китайской войны 1894—1895 гг. Японская оккупация встретила ожесточенное сопротивление жителей острова, но, поскольку у повстанцев не было единства, они потерпели поражение. Стремясь не только удержать Тайвань, но и сделать его неотъемлемой частью Японии, колониальное правительство проводило активную политику интеграции не только в экономической и политической, но и в культурной сфере.

«Основоположником» японского официального национализма на Тайване можно считать начальника гражданского управления острова (назначен в 1898 г.) Гото Симпья. Он был врачом, совершенствовал свое образование в Германии, слыл знатоком европейской социологии, участвовал в политическом движении «дзию минкэн ундо» (движение за народные права), написал ряд книг по врачебной, профессиональной и «национальной» гигиене. «Я хотел бы организовать управление Тайванем на научной основе», — заявил он в беседе с японским публицистом и ученым Такэкоси Есабуро².

Гото Симпья выдвинул идею азиатского сотрудничества (т.е. китайцев и японцев) с целью «изгнания белой расы» с Дальнего Востока. Япония таким образом приобретала роль не оккупанта, а защитника Тайваня от «большого зла» — европейского завоевания. Гото заявлял, что не стремится управлять народом Тайваня, а хочет «заменить для него родителей».

Японская национальная политика на Тайване строилась с учетом изучения этнопсихологических и культурно-исторических особенностей, присущих народам Восточной Азии. «Курс всей политики, весь план администрирования надо строить на основе этнологии» — таково было кредо Гото, сформулированное им в книге «Японская колониальная политика»³. Японцы пытались в качестве основы негативной национальной идентичности (образ врага) использовать европейцев, «белых империалистов», а в качестве позитивного образа — самих себя, как «освободителей Азии»⁴.

Для адаптации колониальной политики к условиям Тайваня японская администрация изучала местную традиционную культуру. Был даже создан специальный комитет по изучению старых обычаев Тайваня (Тайван кюкан тесакай)⁵.

Широко демонстрируя «заботу о здоровье и процветании населения» Тайваня, японская колониальная администрация проводила обширные санитарно-гигиенические мероприятия, направленные на борьбу с болезнями, уменьшение смертности населения; проводилась активная модернизация экономики Тайваня, и это нашло отражение в идеологии официального национализма. Финансирование крупных проектов — строительство железных дорог, морских верфей и судов, угольных шахт, сахарных заводов — представлялось японским правительством как забота о Тайване и его народе в противовес политике прежнего цинского правительства, которое не только не поддерживало тайваньскую экономику, но даже препятствовало частному предпринимательству. Разумеется, это была только часть правды. Экономика Тайваня действительно развивалась, но за счет эксплуатации народа. Налоговый гнет оказался в полтора раза выше, чем в Японии и во Французском Индокитае. «Мы хотели заложить на Тайване основание вечного мира, и в борьбе за устойчивость финансового положения выжимали все соки из новых японских подданных, стремясь во что бы то ни стало облегчить бремя, лежащее на метрополии», — сознавался Гото впоследствии⁶.

С 1937 г., после японского вторжения в Китай, начинается реализация политики, получившей название «коминка» («преобразование в подданных императора»), фактической целью которой стала японизация тайваньцев. Политика «коминка» включала в себя распространение японского языка, внедрение синтоизма и искоренение местных культов, смену имен жителей острова с китайских на японские, а также насаждение японского образа жизни⁷.

Все старшее поколение тайваньцев, впоследствии осуществившее модернизацию Тайваня, в 1905—1945 гг. прошло через японскую систему образования. Президент Тайваня Ли Дэньхуэй носил японское имя Ивасато Масао и, «всею душой любя Японию», готов был служить в японских вооруженных силах⁸.

Оценивая японскую национальную политику на Тайване, можно сказать, что в ней активно использовались научные достижения своего времени и сознательно строился дискурс языкового этатистского (одно государство — одна нация — один язык) реформаторского (модернизация «сверху») национализма. Образцом идеологии официального национализма на японском Тайване был прусский национализм, восходящий к идеям Гердера, Фихте и практике бисмарковской Германии. В то же время в японском официальном национализме было мощное мифологическое, сакральное ядро (связанное с комплексом представлений о божественном происхождении и уникальности японского народа), которое было принципиально закрыто для «чужих»; это означало, что тайваньцы всегда останутся «подданными императора» второго

сорта. «Эффективность» японского официального национализма, на наш взгляд, определялась тем, насколько он совпадал с личным опытом тайваньцев, приобретенным в повседневной жизни. Тайваньцы сопротивлялись японской оккупации и боролись с ассимиляцией, однако очень прагматично использовали все, что сделала для Тайваня колониальная администрация.

После освобождения от японцев на Тайване активно насаждался китайский национализм, особенно после 1947 г., когда остров стал последним оплотом гоминьдановского правительства.

Официально национализм возник в Китае после победы антиимпериалистической революции и образования в 1912 г. Китайской Республики. «Отцом» китайского национализма считается Сунь Ятсен, который создал ряд идей и положений, надолго предопределивших развитие китайского национализма и сохраняющих свой авторитет на Тайване до сих пор, хотя и в модернизированном виде.

Одна из центральных идей Сунь Ятсена — «единая китайская нация» (чжунхуа миньцзу). Анализ позиции Сунь Ятсена в отношении национализма показывает, что на рациональном уровне он был сторонником концепции гражданской нации (гоминьцзы), которая объединяет всех граждан страны и предоставляет им равные права независимо от их этнической принадлежности, и в перспективе — этническое своеобразие исчезает в рамках единой, монолитной нации. Однако в его личностной национальной идентичности явно присутствовали представления о преимуществе ханьцев над прочими жителями Китая, о преимуществе унитарного государства над любыми стремлениями к национальному самоопределению. К тому же в конкретных условиях Китая идея единой гражданской нации воспринималась как «великоханьский национализм» и не встречала поддержки среди неханьских этносов⁹.

После прихода к власти Чан Кайши вопросы национальной политики рассматривались на III, V внеочередном (1938 г.) и VI съездах гоминьдана. В основе лежали идеи Сунь Ятсена о «единой нации» в Китае. Сначала официально поддерживалась идея Сунь Ятсена о государственной нации (гоцзы). Развитие этой концепции выразилось в положении о национальностях Китая как единство составляющих государственной нации. Таким образом, «государственная нация» (гоцзы) являлась аналогом не столько «гражданской нации» (гоминьцзы) как сообщества свободных индивидов, сколько «социалистической нации», или «советского народа», где интеграция происходит благодаря всеобъемлющему вмешательству государства.

В 40-е годы рождается концепция клановой структуры чжунхуа миньцзу Чан Кайши. Все национальности Китая, включая и ханьцев, Чан Кайши считал кланами (цзунцзу). Единая китайская нация (чжунхуа миньцзу) сформировалась из кланов, которые являются равноправными составляющими нации. Таким образом, Чан Кайши пытался перенести акцент с этнорасового толкования единой китайской нации к социаль-

но-политическому. Однако его представления не соответствовали «мифологическому национализму» эпохи и не встретили поддержки.

Основы официального национализма гоминьдановского правительства на Тайване сформулированы в Конституции 1947 г. Уже в названии «Конституция Китайской Республики» подчеркивается, что, хотя реально ГМД сохранял власть только на Тайване, символически партия позиционировалась как правительство всего Китая и Тайвань для нее — периферийная 23-я провинция Китая.

Идеологи официального национализма так же, как и дискурс власти вообще, в политике ГМД на Тайване активно использовали многовековой авторитет конфуцианства. Так, Сунь Ятсен подчеркивал связь демократии с древними китайскими традициями, используя отрывок из древнего трактата «Ли цзи»: «Когда осуществлялось Великое Дао, Поднебесная принадлежала всем. Для управления Поднебесной избирались мудрые и способные люди. Между людьми царили доверие и дружелюбие. Поэтому люди считали близкими себе не только одних своих родителей и по-отечески относились не к одним только своим детям... Тогда не было предательства, лжи, интриги, не было грабежей, краж, смут, и люди, уходя из дома, не запирали дверей. Это было общество датун»¹⁰. Сунь Ятсен и Чан Кайши использовали этот идеал Золотого века — общество «датун» — как прообраз демократии и даже республики, который был в древности. Этот миф позволял им придать своим вполне прагматическим устремлениям к модернизации страны историческую и национальную легитимность. Демократия переставала быть западным и «новым» идеалом, а становилась чем-то «чисто китайским» и «древним».

При формировании легитимности власти Чан Кайши и ГМД не могли, конечно, пройти и мимо такого конфуцианского принципа, как «сыновняя почтительность». «Наша нация является нацией, которая уважает мораль, а дух создания государства заключен в двух словах — сыновняя почтительность, — ибо если не быть почтительным к родителям, то нельзя любить других людей и быть преданным государству»¹¹. Именно конфуцианские, особенно семейные ценности, по мнению Чан Кайши, являются основой управления любой общественной организацией — учебным заведением, трудовым коллективом, партией, государством в целом. Верность партии Чан Кайши уподобляется верности в браке.

Таким образом, конфуцианство является интерпретационной матрицей, символическим языком для националистической идеологии. Использование конфуцианских символов (цитаты, фигуры речи, жанровые формы, стереотипы поведения и ритуалы) позволяло включать совершенно новые для Китая и Тайваня, но необходимые для развития страны идеи в контекст традиционной культуры. Инновационные функции и структуры вначале «разбирались» на отдельные элементы, затем каждому из них подбирался китайский аналог, и уже из них собиралась новая структура, способная выполнять необходимую обществу функцию (совсем как автомобиль — вещь для Китая начала XX в. новая, ее можно собрать из местных деталей, поскольку колеса, двери, сиденья, металл

и нефть были известны в Китае с глубокой древности). При этом новое явление сразу приобретало привычные для китайской (тайваньской) культуры качества — высокую контекстуальность (за счет того, что традиционные символы удерживают свой привычный культурный контекст и воспринимаются как «свои») и персонализацию (после того как для любой западной идеи находится древнекитайский аналог, «отцом» этой идеи уже считается «свой» местный авторитетный мыслитель).

Вместе с ГМД в 1949 г. на Тайвань эмигрировало как минимум полтора миллиона человек в результате массового исхода войск «Китайской Республики» из континентального Китая.

Население Тайваня, которое полвека подвергалось усиленной «японизации», оказалось перед необходимостью принять огромную массу континентальных китайцев, совершенно разных по своему происхождению и социальному положению; но самое главное отличие, которое наблюдалось у этих двух больших групп, *тайваньцев*, с одной стороны, и изгнанных с материковой родины *китайцев*, с другой — в том, что тайваньцы воспринимали остров как родину, а китайцы — как место временного проживания, куда они попали ненадолго и откуда намеревались скоро вернуться в континентальный Китай.

Стефан Коркюфф (Гарвард) считает, что выходцы с континента и местные тайваньцы представляли собой, по сути дела, две различные общности, которые имели разную национальную идентичность. Выходцы из Китая имели «квазирелигиозную веру в свое китайское происхождение». Они стремились переписать историю Тайваня и поместить тайваньские традиции в общекитайский контекст. Для тайваньцев же вновь прибывшие иммигранты были только новейшим эпизодом в длинной череде таких же вторжений — голландцев, маньчжуров, французов, японцев и др.¹²

Период военного положения, длившийся в «Китайской Республике» на Тайване вплоть до 1987 г., характеризовался усиленной китаизацией тайваньского населения, которое будучи уже несколько десятилетий оторванным от континентального Китая было вынуждено снова менять свои японские имена на китайские, говорить и писать только на нормативном китайском языке (го юй), ставшем государственным с приходом ГМД, заново приучаться к китайскому образу жизни. Одновременно тайваньцы приобрели государственное название — «Китайская Республика» на Тайване, флаг КР и другие атрибуты государства.

Тайваньское население условно стало делиться на *ям* и *таро*, под *ям* подразумевались жители Тайваня, чьи предки прибыли на остров до 1949 г., *таро* — соответственно континентальные китайцы, прибывшие на остров после поражения на материке. В языке возникли термины для определения социального статуса человека по времени прибытия его на Тайвань, а с ними — и пропасть, разделившая общество на долгие годы¹³.

Таким образом, в первые сорок лет правления партии гоминьдан на Тайване насаждался официальный национализм, который по содержанию был направлен против японского и китайского коммунистического национализма, но по типу был точно таким же. Декларируя единст-

во нации («государственная нация»), гоминьдановцы всегда в реальной практике смешивали этничность и национальность, воспринимали национальность генетически как единство «крови и почвы», считали ханьцев как этнос более ценным, чем другие этнические группы; ценность государства была выше ценности национальности (не говоря уже о личности). Проводя насильственную китаизацию, используя интеграционные механизмы, гоминьдановское правительство порождало в собственной стране как этнические столкновения, вызванные дискриминацией, так и национализм «креольского типа», как в колонии. Причем такой «креольский национализм» овладел умами и правящей гоминьдановской элиты, во всяком случае ее молодого поколения.

Трансформация националистической идеологии на Тайване началась в годы правления Ли Дэнхуэя (1988—2000) и продолжилась при следующем правительстве (президент Чэнь Шуйбянь). Она связана как с общей модернизацией и демократизацией жизни на Тайване, так и со сменой научной парадигмы, произошедшей в общественных и гуманитарных науках. Объективно-социологический подход (позитивизм) стал подвергаться критике, и в науке стали преобладать культурно-аналитические модели. Соответственно представления о нации, национальном самосознании и национализме также претерпели изменения. Тайваньская правящая элита была великолепно образована, почти все члены правительства имели по две ученые степени — одну «азиатскую», т.е. полученную в университетах Тайваня или Японии, вторую — западную, полученную в университетах Европы и Америки. Поэтому в формировании национального сознания использовались последние достижения социально-гуманитарных и политических наук.

Правительство Тайваня отказалось от своего символического статуса «китайского правительства в изгнании». В противовес этому были выдвинуты идеи «двух Китаев», «одного Тайваня, одного Китая», «Большого Тайваня», «независимого Тайваня». По словам Ли Дэнхуэя, «...то, что мы сделали на Тайване, так это сохранили кусок земли, где царят свобода и мир и где нет коммунистического господства. Мы добились развитой экономики, претворяем в жизнь идеи демократии и надеемся стать моделью для будущего воссоединения Китая»¹⁴.

При Ли Дэнхуэе идея единой однообразной нации, говорящей на нормативном китайском языке, сменяется идеей поликультурного общества, где, правда, преобладает «тайваньский язык» — диалект холо, на котором в Тайване говорит большинство населения. Ли Дэнхуэй — сторонник *реформаторского национализма*, и основой формирования национальной идентичности нового поколения считает успехи тайваньской модернизации.

Тайваньские ученые активно разрабатывают идеи культурного многообразия тайваньцев, а также вслед за западными учеными уделяют большое внимание изучению, а по сути дела, формированию национальной идентичности. Например, Линь Юйти в своей статье «Да, и тайваньцы тоже...», отмечая характер полиморфности культуры тайваньцев, говорит о том, что

к концу правления династии Цин (к 1911 г.) они «фактически не были ни ханьцами (континентальными китайцами), ни японцами, их этническое самосознание в тот момент уже определялось как *тайваньское*»¹⁵.

Профессор Чжуан Ваньшоу в статье «Проблемы тайваньской культуры и формирование национальной идентичности» также отмечал, что «к 1920 г. тайваньское самосознание, часто изучаемое как феномен в тесной связи с японским самосознанием, фактически представляло собой формирующееся осознание национальной идентичности тайваньцев как отдельного народа, не осознающего себя ни японцами, ни китайцами...»¹⁶

В трудах идеологов после 1987 г. утверждается, что на Тайване существует два национализма. Один — территориальная концепция «Большого Тайваня», где Тайвань выступает базовым понятием (государственный национализм); другой — «культурный национализм», оперирующий понятием китайской культуры, объединяющей не только граждан КНР и Тайваня, но и всю китайскую диаспору по всему миру.

В 2000 г. на Тайване в результате демократических выборов пришла к власти демократическая прогрессивная партия (ДПП), и политика официального национализма претерпела очередную трансформацию.

«Открытость» и поликультурность современного Тайваня подчеркивается в признании множества языков, на которых говорят его жители. Причем, если ГМД активно насаждал китайский нормативный язык (го юй), то новое тайваньское правительство считает, что все языки, включая языки аборигенных народов, должны активно развиваться, и даже выражает свое сожаление по поводу того, что новое поколение тайваньцев все шире использует китайский язык в ущерб «тайваньскому языку» (холо — язык тайваньцев, чьи предки были выходцами из провинции Фуцзянь) и местным диалектам¹⁷. Языки всех этносов Тайваня поддерживаются властями в рамках идеологии мультикультурализма как в устном (радио, телевидение), так и в письменном виде (книги, СМИ). Письменные языки развиваются и в иероглифической, и в фонетической латинизированной форме. Таким образом, отношение к языку в практике государственного национализма изменилось строго в соответствии с развитием постмодернистской научной парадигмы, но тайваньцы стремятся сохранять в этой области и «самобытность», при этом противостоят и Западу, и КНР¹⁸.

В современной идеологии официального национализма явно учитывается сложившаяся национальная идентичность тайваньцев как осознание единства общей судьбы жителей острова; делается попытка преодоления этнической напряженности, вызванной как насильственной китаизацией, так и этнической дискриминацией (особенно аборигенов); средствами интеграции нации видится не насаждение одной нормативной культуры, а развитие мультикультурализма; национальная идентичность видится как «многоярусная», включающая глобальный, цивилизационный, национальный, этнический, региональный и другие уровни. Это вариант «креольского» реформаторского национализма эпохи постмодерна.

Таким образом, можно утверждать, что все правительства, меняющиеся на Тайване с конца XIX в. до наших дней, сознательно конструировали национализм как идеологию, с помощью которой можно завоевать власть, сформировать ее легитимность и контролировать реальный и символический капитал. При этом содержание националистических идей менялось в соответствии с развитием социальных наук (так как правительства старательно использовали все «новые достижения» в этой области) и преимущественно в зависимости от конкретной ситуации и потребностей власти. Современный официальный национализм характеризуется сближением идей правящей элиты и национального сознания обычных людей и строится с учетом сложившейся национальной идентичности тайваньцев.

¹ Стрешнев А. Родиться японцем // Родина. 2005. № 10. С. 44.

² Takekoshi Yosaburo. Japanese Rule in Formosa. L., 1907. P. 11. / Цит. по: Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978. С. 258.

³ Янайбара Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934. С. 149.

⁴ Стрешнев А. Родиться японцем... С. 46.

⁵ Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978. С. 266.

⁶ Там же. С. 269.

⁷ У Юэюй. Исследование политики ассимиляции на Тайване в период японского господства: дис. на соискание докторской степени. Даньцзян, 1990. У Юэюй. Жицзюй Тайвань тунхуа чжэнцэ яньцзю. Данцзян, 1990.

⁸ Хуан Хунжэнь. Был ли отец Ли Дэнхуэя японцем? // Промышленное обозрение. 1994. 24 окт. / Хуан Хунжэнь. Ли Дэнхуэйда баба ши жибэньжэнь ма? // Шанъе жибао, 1994. 24 окт.

⁹ Цит. по: Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае: теоретические аспекты национальной политики (1912—1992 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. С. 19.

¹⁰ Избранные материалы по истории китайской философии. Пекин, 1964. Т. 3. С. 1036—1037 / Чжунго чжэсюэ лиши сюань цайляо. Бэйцзин, 1964.

¹¹ Прекрасные высказывания президента Чана. Тайбэй, 1967. Ч. 1. С. 81. Цзян Цзеши цзяюй. Тайбэй, 1967.

¹² Гао Пэт. Место для всех // Тайваньская панорама. 2005. № 1. С. 6.

¹³ История тайваньского общества. Вып. 3. М., 2000. С. 35.

¹⁴ Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня. М., 2000. С. 54.

¹⁵ Линь Юйти. Да, и тайваньцы тоже // Шида. 1997. № 42. С. 1. Линь Юйти. Юй, тайваньжэнь е // Шида сюэбао. 1997.

¹⁶ Чжуан Ваньшоу. Проблемы тайваньской культуры и формирование национальной идентичности. www.wufi.org.tw/forum002.htm, статья от 07.11.2001. Чжуан Ваньшоу. Тайвань вэньхуа куныцзин юй миньго иши цзяньцзянчжичуи.

¹⁷ О языке холо // Тайваньская панорама. 2005. № 1. С. 15.

¹⁸ Пэт Гао. Обретение письма // Тайваньская панорама. 2005. № 1. С. 10—14.

SUMMARY: “The Evolution of Official Nationalism in Taiwan” is the title of the article by Candidates of Historical Sciences Yulia Ishutina and Yulia Popovicheva.

Modern official nationalism is characterized with drawing nearer ideas of the ruling elite and national consciousness of all the population. And it is built with consideration of the present national identity of Taiwan population.